

ОБО МНЕ НЕ БЕСПОКОЙСЯ —Я У СВОИХ

Томительные, голодные дни оккупации разрушили и со- старили семью Ефановых. Совсем недавно на свежем лице Полины Ивановны было трудно уловить 60-летию возраст. И вот она—осунувшаяся, с тусклыми воспаленными глазами, глубокие морщины испещрили ее лицо.

Часто вспоминается ей сiskойная жизнь, тихое семейное счастье недавнего прошлого. Вот здесь, в этой комнате, она радовалась здоровью и силе подрастающих на ноги детей, здесь часами пачкала пухлякских нарядных внучат, из этой комнаты она проводила на фронт, в долгий и опасный путь, двух сыновей и зятя.

...В Курск пришли немцы. Горькие, безутешные дни пережила Полина Ивановна. Здоровье Клавдии, старшей дочери, недавно бойкой, полной сил, надломилось. Изголодавшаяся, измученная не выдержала она тяжести жизни. А внучки? Голод вырвал из семьи двух ее любимых. Сама ходила по людям.

Так, утоная в горе, омываясь слезами, жила Ефанова в те дни, когда в городе были немцы.

Но вот вернулись свои, родные. Радость прежних дней ворвалась в каждый дом, каждую семью. Тихой струйкой заливается жизнь и в погибавшую семью Полины Ивановны. К ним идут из райсовета, с ними беседуют, интересуются их жизнью. В них приняли теплое участие, чутко отнеслись к их нуждам.

Теперь Полина Ивановна не думает по утрам—кто и в какой стороне ей даст кусок хлеба. Теперь не дрожит за судьбу младшей дочери—ее не угонят в Германию. Теперь не умрет с голода оставшаяся внучка Галка. Голодные дни не угрожают уже больше. Они получают денежное пособие. Младшей дочке помогли устроиться на работу, выдали карточки в столовую.

В руках Полины Ивановны полученное письмо от зятя. В который раз она обдумывает написанные им строки и всем сердцем, как никогда раньше, чувствует, насколько хороша та жизнь, которую описывает он. И Полина Ивановна, мать двух сыновей, разбитая тяжестью испытанного горя, теперь горда душой, как истинная русская женщина, вырастившая крепких защитников.

Юлия,—обращается она к дочке,—напиши Максиму мои слова.

И она продиктовала: „Мне тяжело огорчать тебя, но ты должен знать. У тебя нет больше жены и двух детей. У тебя нет крепкой, счастливой семьи—она разрушена немцами. Мой материнский наказ: снеси отомстить им! А обо мне не беспокойся. Теперь я у своих“.

Л. МАКАРОВА.

НОЧНЫЕ НАЛЕТЫ ГВАРДЕЙЦЕВ

С наступлением сумерок вылетают легкие бомбардировщики. Всю ночь они не дают покоя немцам, парализуя движение железнодорожного транспорта на магистралях, прилегающих к фронту.

Языки пламени озаряют безоблачное небо. Это результат точной работы гвардейцев. Тысячи килограммов бомб сбрасывают они на головы ненавистного врага.

Мастерами ночного бомбометания показала себя экипажи гвардейцев младшего лейтенанта Гуторова, при штурмане стар-

шине Шматько, пилота гвардии лейтенанта Торхова и стрелка-бомбардира гвардии старшины Старостова. Их „гостицы“ угодили в стоящие на пути эшелоны. Пять попаданий отмечено в здании железнодорожной станции.

Гвардейцы старшина Казарин со стрелком-бомбардиром старшиной Якимовым подожгли склад противника с горючим, который горел свыше двух часов.

Налеты ночников-гвардейцев наносят врагу ощутимые поте-

НАШИМ РОДНЫМ И ЗНАКОМЫМ

В редакцию „Курской Правды“ прислали письма следующие товарищи:

Д. И. САПУНОВ, житель Горшеченского района, награжден орденом „Красная звезда“, его адрес: 45808 „А“ полевая почта. В. А. РЯБИНИН, житель Советского района, теперь командир Красной Армии, его адрес: ППС 2036, часть 402. В. М. ЕРЕМЕЕВ, майор, его адрес: 1811 полевая почта, часть 25. И. П. БОЙЧЕНКО, житель Глушковского района, его адрес: 2383 полевая почта, часть 456. И. Н. КУЗНЕЦОВ, житель Валуйского района, его адрес: 840 полевая почта, часть 157. И. Р. КОЗЛОВ, житель Октябрьского района, теперь командир Красной Армии, его адрес: 456 полевая почта, часть 149. Ф. И. НЕВЕДРОВ, житель Малоярхангельского района, его адрес: ППС 709, часть 20. М. И. ШВАЧКО, С. Я. ПОДЗОЛКОВ, жители Томаровского района, их адрес: ППС 317, часть 465. Я. И. ЕВТИШЕВСКИЙ, его адрес: 667 полевая почта, часть 16. П. КОФАНОВ, его адрес: 2298 полевая почта, часть 615. М. И. ЯЩЕНКО, житель г. Суджи, его адрес: 08890-А полевая почта. И. М. КИРХАНИН, житель Б.-Цюрского района, его адрес: 346 полевая почта, часть 231. К. П. ОУХИНИН, его адрес: 2116 полевая почта, часть 348. Л. М. КАРПЕНКО, житель Кореневского района, его адрес: 29140 „л“ полевая почта.

Все они поздравляют своих земляков с освобождением от фашистского ига, просят связать их с друзьями и родными, проживающими в Курской области.

Товарищ! Ты видишь трупы своих земляков

ИХ УБИЛИ НЕМЦЫ!

ПОКЛЯНИСЬ ЖЕ РОДИНЕ БЫТЬ НЕИСТОВЫМ
В БОЮ И ТРУДЕ, ПОМОЧЬ КРАСНОЙ АРМИИ
ПОКАРАТЬ УБИЙЦ!

М. И. Ганкевич над трупом мужа, рабочего артели „Пищепродукт“, расстрелянного немцами 5 февраля на Солянке.

Фото М. Шеховцова.

Трупы расстрелянных немцами советских граждан на Солянке, в окрестностях Курска.

Фото М. Шеховцова.

СОРОК ПЯТЬ РАССТРЕЛЯННЫХ НА СОЛЯНКЕ

Убегая, звери заматают следы. Так поступили и немцы. Они сделали все, чтобы никто не узнал об этом злодеянии. Глухой ночью вывели они свои жертвы за город. Выбрали место—островок на Солянке, ежегодно заливаемый водой. Надеемся: придет весна, вода унесет трупы расстрелянных.

Пришла весна, но не вышла вода из Сейма, не залила островок. Мы видим погибших так, как они прощались с жизнью. Их 45. Подростки, старики, женщины. Можно представить себе: их привезли на островок и тотчас же раздали залпы. Беззащитные люди, обливаясь кровью, падали друг на друга.

На островку ходят женщины, всматриваются в трупы, ищут своих. Над телом рыдает пожилая женщина—это жена убитого рабочего артели „Пищепродукт“ Петра Петровича Ганкевича—Марья Игнатьевна.

Вот мальчик. Он осторожно ступает среди трупов, пристально смотрит в их изуродованные лица. Старуха-бабушка ведет его за руку. Загляните в глаза мальчика. Пусть посмотрит в эти глаза ребенка те, кому родина вручила оружие мести.

Володя Свежков ищет родителей—отца и мать. Морозной ночью увели их немцы. Может быть, они расстреляли их здесь. Володя обходит островок, разглядывает трупы, ищет родное, знакомое лицо отца. Так будут же трижды прокляты навеки те, кто сделал сиротой этого ребенка, кто заставил его сейчас, в яркий весенний день, шевелить трупы!

Кто убиты? Шестидесятилетний пафосник Василий Никитич Казилон, шестидесятилетний кондуктор железной дороги Стефан Харитонович Обуховский, мастер Николай Васильевич Каширцев, жена фронтовика Ольга Михайловна Тюленева—44 лет, рабочий пожарной охраны Гавриил Арефьевич Велаяев—44 лет, пекарь Иван Денисович Боллаев—54 лет, работница Трансгортшта Евгения Яковлевна Вирюкова—49 лет, Василий Тихонович Моисеев—54 лет, Лука Антонович Андрищенко—53 лет, рабочий комзавода Александр Иванович Тесленко—42 лет, Александр Александрович Ключановский, пенсионер Алексей Леонтьевич Гонимов, Тимофей Никитич Евдокимов, Петр Иванович Арешев, Петр Дмитриевич Тимонин—45 лет и другие рабочие, служащие, пенсионеры, жители Курска, всего 45 человек. За что расстреляли их немцы? За то, что эти люди были и остались русскими, не захотели очернить свое честное имя грязью предательства.

Мы смотрим на лица убитых, на позы, в которых застала их

смерть. Лицо трупа никогда не обманывает. Никто из них не просил о пощаде, никто не стоял на коленях. Сведены зубы, сжаты кулаки. На многих телах следы побоев. Немцы добивали их прикладами.

У одного находим записку. Карандашом, на окровавленной листке бумажки нацарапано: „Дорогие родители папа и мама. Меня задержали в Фатеже 29-го, посчитали за партизана и расстреляли 5-го февраля в 6 часов вечера... Больше меня не ждите. Бабенков П. И.“.

Каждый день в страшную книгу немецких преступлений прибавляются новые и новые страницы. Растет наш счет мести. В него мы вписываем сейчас 45 расстрелянных курских рабочих и служащих на Солянке. Мы не знаем фамилии гада, который стрелял в беззащитных людей. Мы знаем одну фамилию—Гитлер. Мы думаем о том дне, когда народы соберутся судить злодея. Мы пригласим обвинителей—и в числе их будет Володя Свежков, десятилетний мальчик, разыскивавший в апреле 1943 года трупы своих родителей.

Суд будет, мы верим в это. Но пока мы с гневом смотрим на запад—там еще гуляет злодей. Пусть же все, кто узнает о новом злодеянии немцев, о сорока пяти расстрелянных на Солянке, пусть каждый поклянется перед памятью погибших: все силы, всю жизнь свою посвятить одному делу—священной мести.

Зинаида Маякова и ее муж А. И. Маяков у трупа отца С. Х. Обуховского, расстрелянного немцами.

Фото М. Шеховцова.

Г. РАДОВ.